

Прина Марголина

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КИЕВО-КИРИЛЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ

В 2005 г. вышла в свет книга, посвященная уникальному памятнику XII в., — киевской Кирилловской церкви¹. Кажется, авторы разыскали и отобрали в книге максимально возможный комплекс источников. Тем не менее, поиску, а иногда — и неожиданным открытиям нет предела. При сверке наличия фондовых коллекций в научно-фондовом отделе Национального заповедника “София Киевская” был выявлен до сих пор никем не исследованный архив документов, касающихся ремонтно-реставрационных работ, проведенных в Кирилловской церкви в XIX в. Этот архив принадлежал

Ил. 1. М. Врубель. Сошествие Святого Духа на апостолов. Фрагмент. Апостол Иаков (справа — прототип А. Прахов). Профессор А. Прахов. Масло. 1879 г.

сыну профессора Петербургской Академии живописи, искусствоведа А.В. Прахова — Николаю Прахову. Кажется, что выявление этого архива — событие закономерное и, наверное, “запланированное” свыше, так как документы обнаружены в юбилейном 2006 году, когда исполнилось 160 лет со дня рождения и 90 лет со дня смерти А.В. Прахова (ил. 1).

¹ Марголина І., Ульяновський В. Київська обитель Святого Кирила. К, 2005. 352 с.

Найденный архив состоит из 131 страницы и содержит 41 документ 1881–1890 гг. Эти документы связаны с проведением ремонтно-реставрационных работ в Кирилловской церкви. Среди документов более двадцати пяти писем, два заявления, одна справка, одно свидетельство, инструкции, восемь докладных записок, три сообщения, списки участников реставрации, обмеры, схемы распределения работ, сметы, расписки исполнителей и заказчиков, письма известнейших киевских деятелей: П. Лебединцева, Г. Терещенко, Н. Петрова, Н. Мурашко и др.²

Ремонтно-реставрационные работы в Кирилловской церкви были связаны с обнаруженными в 1860 г. фресковыми росписями XII в., которые профессор В.И. Ульяновский называет “Небом на земле”³.

Посетив Кирилловскую церковь летом 1880 г., А. Прахов расчистил несколько новых небольших фрагментов живописи и сделал их копии. Тогда же он предложил членам Императорского Русского Археологического Общества открыть и скопировать другие уцелевшие кирилловские фрески.

Адриан Викторович понимал, что расчищенные им фрески рано или поздно могут быть “исправлены” и даже записаны. Это было главной причиной, из-за которой он стремился сделать как можно больше копий с открытых композиций. Более 200 копий, выставленных в залах Петербургского университета, привлекли множество публики, причем выставку посетили и члены “августейшей фамилии”. В исследуемых документах отмечается, что “Государь Император соизволил на открытие и копирование фресок Кирилловского монастыря” выделить 10 000 руб.⁴

Сегодня в условиях непонимания представителями Церкви уникальности историко-архитектурных памятников, когда звучат высказывания о необходимости записи “карикатурных”, по выражению некоторых священников, фресковых росписей, особую ценность представляет инструкция из найденного архива, представленная А. Прахову относительно проведения реставрационных работ стенописи Кирилловской церкви:

“1. Благости за тем, чтобы очистка стен от штукатурки производилась с крайней осторожностью без повреждения древних фресок...

² Научный архив Национального заповедника “София Киевская”. Архив профессора А.В. Прахова. Кирилловская церковь. 1881–1889 гг., д. № 6, 131 стр.

³ Марголіна І., Ульяновський В. Київська обитель Святого Кирила К., 2005. С. 91.

⁴ Научный архив Национального заповедника “София Киевская”. Архив профессора А.В. Прахова. Кирилловская церковь. 1881–1889 гг., д. № 6, с. 62.

2. Если бы во время открытия фресок пришлось пожертвовать позднейшими изображениями, написанными уже сверх штукатурки и забелки, то с них непременно должны быть сняты фотографии и копии...”⁵.

Даже этот небольшой отрывок из инструкции даёт представление не только о понимании членами Императорского Русского Археологического Общества значимости и ценности древних фресок, но и уважительного, профессионального, заботливого отношения к ним.

Не менее интересным в этом отношении является и письмо Прахова к некоему Павлу Ивановичу от 11 октября 1881 г. с просьбой дать распоряжение клирикам церкви, чтобы зимой, когда приостановятся реставрационные работы, “блести открытые фрески, оберегая их от всякого самомалейшего повреждения”⁶.

Такое отношение к старине в XIX в. сегодня может быть достойным примером для тех, кто, не понимая ценности древнерусской живописи, выступает с требованиями записать кирилловские фрески, дабы придать храму “благолепие”.

Адриан Викторович прекрасно понимал, что Кирилловская церковь предназначалась для использования не только в качестве археологического памятника. Именно поэтому, заканчивая расчистку кирилловских фресок, сразу же составил проект восстановления церкви, который предусматривал соблюдение интересов “как русской археологии, так и православной церкви”⁷.

“1. Поддержать хорошо сохранившиеся фрески, освежить полуслинявшее и реставрировать места, на которых никаких изображений не уцелело.

2. Сделать новый иконостас, соответствующий своей формой времени построения храма (XII в.).

3. Привести в порядок открытые древние архитектурные формы”⁸.

Действительно, из выявленных документов узнаем, что при открытии и копировании древней живописи неожиданно открылись “некоторые древние архитектурные формы, скрытые накладками

⁵ Научный архив Национального заповедника “София Киевская”. Архив профессора А.В. Прахова. Кирилловская церковь. 1881–1889 гг., д. № 6, с. 11.

⁶ Там же, с. 35.

⁷ Там же, с. 43.

⁸ Там же, с. 42.

штукатурки”⁹. Это — окно или балкон в Кирилловской апсиде, окно в нартексе, две аркасолии в южной части нартекса, ниша в жертвеннике, а также окна в главном куполе, заложенные в нижней части. Прахов не просто обнаружил эти архитектурные объемы, он их открыл, а, открыв, приблизил интерьер памятника к его первоначальным формам и дал возможность исследовать новые аспекты в истории и архитектуре Кирилловской церкви.

Из докладной записки в комиссию по обновлению Кирилловских фресок в Киеве узнаём, что Прахов, обеспокоенный состоянием температурно-влажностного режима в храме, предложил “принять следующие меры по устранению сырости”: устроить в северном и южном дверных проёмах решётчатые двери с замками, дабы храм мог проветриваться “в течение всех тёплых месяцев”. Устроить 3—4 печи в местах, где ранее церковь не отапливалась: одну в северном приделе, т. к. там, в северной стене, есть дымоход (воздухоход — И.М.); в южном приделе Прахов предлагал устроить дымоход в открытом им в южной стене архитектурном объёме; третью печь поставить у западной стены под хорами, выпустив дымовую трубу через полость прорезанного хода на хоры в северной стене. Адриан Викторович “покорнейше” просил принять его предложения. При этом указывал на то, что расходы на эти необходимые нововведения может взять на себя Приказ общественного Призрения, которому тогда уже принадлежал Кирилловский храм в качестве больничной церкви при клинике для душевнобольных¹⁰. Печи были устроены только в нартексе, где сегодня на западной стене бордовой (“пурпурной”) тонировкой очерчены их контуры.

В докладных записках киевскому генерал-губернатору, найденных в архиве, оговаривается судьба фресковых изображений и древних архитектурных форм. Фрески, судя по записям Прахова, как уже отмечалось, предполагалось открыть из-под позднейших записей, произвести тщательные обмеры и исполнить копии в размерах оригинала. Для этого Прахов организовал в Киеве бригаду художников, большую часть которых пригласил из рисовальной школы Н. Мурашко.

В этом контексте важной находкой в исследуемом архиве нужно считать информацию о том, кто входил в состав художников,

⁹ Научный архив Национального заповедника “София Киевская”. Архив профессора А.В. Прахова. Кирилловская церковь. 1881—1889 гг., д. № 6, с. 76.

¹⁰ Там же, с. 43.

принимавших участие в открытии фресок, их копировании и выполнении новых изображений. К моменту выявления этого архива, благодаря напечатанным воспоминаниям Н. Мурашко, было известно, что эти работы выполняли ученики и преподаватели Киевской рисовальной школы Н. Мурашко. Там же зафиксированы фамилии нескольких молодых украинских художников, которые в XIX в. работали в Кирилловском храме: Селезнев, Глоба, Зозулин, Ижакевич, Костенко, Косяченко, Платонов, Климанов, Гайдук. На сегодня этот список пополнился новыми именами. На маленьком листочке из архива с карандашной надписью в правом углу — “Кирилловская” — перечислены следующие фамилии: Яблонский, Новицкий, Кудрин, Нога и Нога — (вероятно, братья, а возможно — отец и сын), Чехович, Галактионов. Четыре сокращенных фамилии разобрать не удалось¹¹. А на схеме расположения живописи с нумерацией изображений возле каждого номера присутствуют фамилии художников, которым было поручено выполнение этих изображений: Кузнецов, Науменко, Резниченко, Данилов, Трояновский, Нечаев, Курашевич, Короткоручко, Тепляков, Ганюк, Васильченко, Власенко¹².

Общая площадь стен Кирилловской церкви — 2852 кв. м, из них 800 кв. м занимают фрески XII в. Некоторые места затонированы пастельным тоном; кроме того, существует один настенный портрет XVII в. Таким образом, приблизительно 2000 кв. м составляет масляная живопись XIX в. Известны имена авторов некоторых композиций. Авторство большей части живописных изображений до сих пор оставалось неизвестным. Неожиданная находка архивных документов не только дополнила информацию о тех, кто реставрировал церковь, но и предоставила возможность определить авторов отдельных композиций и одиночных изображений, выполненных в технике масляной живописи в XIX в.

В архиве имеются четыре схемы распределения росписей. Это отдельные плоскости левого алтаря — Михайловского, правого — Кирилловского, и две стены Теплой церкви, т. е. нартекса. Схемы представляют собой карандашный черновик с номерами, под которыми зашифрованы живописные изображения и композиции, возле каждого номера — фамилия художника, которому было по-

¹¹ Научный архив Национального заповедника “София Киевская”. Архив профессора А.В. Прахова. Кирилловская церковь. 1881—1889 гг., д. № 6, с. 30—31.

¹² Там же, с. 34.

ручено выполнение этого живописного сюжета. При сопоставлении схем с настенной живописью памятника выяснилось, что в Кирилловском приделе северную стену расписывали Васильченко, Трояновский и Ганюк, южную — Яблонский, Нечаев, Науменко и Трояновский, орнаменты выполнил Новицкий. Масляная живопись Михайловского алтаря принадлежит Курашкевичу, Кузнецову, Короткоручко, Резниченко, Нечаеву, Науменко, Данилову, Новицкому, Ганюку, а также Трояновскому, который написал Архангела Михаила в конхе жертвенника (Ил. 2). В нартексе работали Данилов Федор Иванович (преподавал в школе Н. Мурашко в 1863—1927 гг.), Резниченко. Васильченко и Яблонский работали над росписями западной стены. Восточную часть нартекса расписали Науменко, Власенко, Яблонский.

Таким образом, исследование обнаруженных документов открыло еще одну важную страницу в изучении истории живописи Кирилловской церкви. Благодаря этому, до сих пор в своем большинстве не идентифицированная масляная живопись XIX в. нашла своих авторов-исполнителей. А имена указанных в архиве украинских живописцев XIX в., работавших в Кирилловской церкви, дали толчок к следующему этапу исследований, а именно — поиску биографий и творческих наработок этих художников.

Ил. 2. Трояновский. Архангел Михаил. Масло XIX в. Конха северной апсиды

Известно, что определённое время живописными работами в Кирилловском храме руководил М.А. Врубель, помогая молодым ученикам рисовальной школы: делал прорисовки ликов и целых сюжетов, исправлял неточности, дописывал и переписывал отдельные работы. К сожалению, сегодня, исключая атрибутированные Врубелю изображения, невозможно с уверенностью определить, что принадлежит его кисти, хотя во многих изображениях читается врубелевская живописная манера.

В фондах киевского Русского музея изобразительных искусств недавно обнаружен эскиз фигуры архангела Михаила, исполненный графитным карандашом. На лицевой стороне — подпись Врубеля, а на обратной — надпись: “Из альбома Николая Ивановича Мурашко 1883/84 г. Киев. “Архангел” эскиз М. Врубеля. Мотив росписи (фрески) для Кирилловской церкви в Киеве”. Этот недавно найденный врубелевский рисунок послужил материалом для выполнения украинским художником Самуилом Гайдуком архангелов Михаила и Гавриила на юго-западном и северо-западном столбах арки, ведущей из центральной части Кирилловского храма в нартекс. В письме к Прахову в 1884 г. Врубель особенно хвалил произведения Гайдука: “Нравятся мне очень и ангелы Гайдука, особенно Михаил. Теперь он начал большого ангела, руководствуясь моим наброском акварелью с Софийского”¹³. Однако розовощёкие кукольные ангелы Гайдука очень далеки от сосредоточенного, страстного и мужественного архангела на эскизе М. Врубеля.

Новые интересные данные о реликвиях Кирилловской церкви были найдены в Киевском областном архиве.

На северном фасаде Кирилловского храма находятся ныне пустующие ниши, где когда-то были памятные доски с записями о выдающихся погребениях, устроенных в церкви: “... с наружной стороны церкви по левую сторону есть в стене два углубления в которых, как говорят очевидцы, были вставлены два образа на меди (в 30 фунтов каждый), один над могилой родителей святого Дмитрия Ростовского, а другой — над могилой игумена (Мелетий Дзик. — И.М.), рукоположившего Даниила Туптало в иночество, и что иконы были сняты в 1865 г. для обновления ликов святых...”¹⁴. Этот недавно найденный автором данной публикации архивный документ (письмо секретаря Статистического комитета к смотри-

¹³ Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. Л., 1976. С. 71.

¹⁴ ГАКО. Ф. 804, оп. 1, д. 602, № 284.

телю Кирилловских богоугодных заведений А.Л. Карповичу от 5 октября 1869 г.) окончательно определяет назначение архитектурных ниш на северном фасаде Кирилловской церкви и, самое главное, содержит ценные свидетельства, дополняющие информацию о знаменитых погребениях в Кирилловском храме. Не вызывает сомнений, что эти ниши в северной стене были устроены в период игуменства в Кирилловском монастыре святителя Димитрия Ростовского (январь—июнь 1697 г.) и по его личному распоряжению. Учитывая то, что родители святителя были погребены в северной части церкви, вполне естественным выглядит его желание увековечить их память надгробной доской, устроенной на внешней стене храма, соответственно захоронениям с северной стороны.

Относительно Мелетия Дзика, умершего 7 февраля 1681 г., приведенные архивные документы раскрывают ещё один до сего времени не известный факт — наличие захоронения Мелетия Дзика в Кирилловской церкви. Если принять во внимание добрые, сердечные отношения между игуменом Мелетием и Димитрием Ростовским, можно понять, почему рядом с надгробной доской в честь родителей Ростовского была устроена памятная доска, посвященная Мелетию Дзику, другу и наставнику будущего святителя.

Если о погребениях родителей и сестер святителя Димитрия Ростовского в северной части нартекса и ранее было известно, то наличие погребения в храме игумена Мелетия Дзика стало настоящим открытием, фактом, до сих пор не известным исследователям.

В тех же архивных документах присутствует письмо-ответ на запрос секретаря Статистического комитета. Ответ написал надзиратель кирилловских богоугодных заведений майор А.Л. Карпович. Этот ответ проясняет дальнейшую судьбу памятных досок: "... в одном только углублении, а именно над могилой родителей Димитрия Ростовского был образ на меди, который в 1865 г. снят Никитой Коцеваленко, для обновления лика, но по приказанию служившего в заведении священника Иоанна Правикова, не допустившего обновить икону, она была поставлена в церкви и потом по его же распоряжению при отлитии колоколов в 1866 г. брошена в плавильную медь, служителем Василием Кравченко, о другом образе нельзя собрать сведений..."¹⁵. К большому сожалению, печальная судьба постигла памятные доски, исчезнувшие из ниш северной

¹⁵ ГАКО. Ф.804, оп. 1, д. 602, № 284.

стены. Сегодня они воспринимались бы как уникальные памятники-реликвии святого Димитрия Ростовского.

В Кирилловском храме существовали и другие реликвии, связанные с именем святителя Димитрия Ростовского. Святитель Димитрий, уже будучи митрополитом Ростовским, прислал на гроб своих родителей икону Божьей Матери Ватопедской, которая считалась фамильной в семье Туптало.

В 1765 г. кирилловскую икону вмонтировали в киот, на обратной стороне которого прикрепили доску с пояснительной надписью (Ил. 3). Эта доска была найдена в 1860 г. при разборке иконостаса на втором этаже Кирилловского храма¹⁶. Современные исследователи считали эту реликвию утерянной, но в июле 2007 г. при сверке фондовых коллекций Национального заповедника “София Киевская” её неожиданно обнаружили, найдена была и запись в Книге хранения о том, что в 1943 г. доску из Кирилловской церкви передали в фонды заповедника¹⁷.

Ил. 3. Памятная доска с надписью

Исчезнувшими считаются фамильная икона, портрет Саввы Туптало и портрет самого святителя, устроенные в своё время над могилой семьи Туптало в Кирилловской церкви. Поиски этих реликвий дали определённый результат. Согласно данным, любезно предоставленным автору этой публикации сотрудницей Национального художественного музея Украины И.В. Пархоменко, в фондовых книгах Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника есть за-

¹⁶ ГАКО. Ф. 804, оп. 1, д. 602.

¹⁷ Фонды НЗСК. КП 4, А54/1.

пись о том, что портрет Саввы Туптало (копия 1760 г., размер 42,5×31,3 см, № 39452) передан в заповедник из Кирилловской церкви в 1931 г., а икона Ватопедской Богоматери (размер 39×37 см, № 39325) передана в 1933 г. Однако сами реликвии среди указанных фондовых коллекций на данное время не найдены.

Пока не найден и портрет святителя Димитрия, который также, как и икона Ватопедской Божьей Матери, находился над могилой семьи Туптало. Описание портрета находим в документах III Археологического съезда: “При сем образе, с правой стороны, стоит и образ св. Димитрия Ростовского, простой живописи, на холсте, в полный рост, в архиерейской мантии, в белом клобуке”. Известна гравюра 1825 г., исполненная в Киево-Печерской лавре, как написано на ней “снятое с давнего портрета Его находящегося в церкви бывшего Кирилловского монастыря”, где святой изображён в полный рост, в архиерейской мантии, но не в белом клобуке, а в митре. Вряд ли автор, описывавший портрет, мог перепутать такую важную деталь; скорее всего, в Кирилловском храме были и другие портреты святителя, один из которых послужил образцом для гравюры.

Исследования продолжаются, и не исключено, что будущее готовит новые находки, которые из небытия ушедшей истории обретут новую жизнь в Кирилловской обители.